

Салават Вахитов

**Словарь
уфимского сленга
начала XXI века**

Версия 2008 года

Салават Вахитов

**Словарь уфимского сленга
начала XXI века. Версия 2008 года**

«Издательские решения»

Вахитов С.

Словарь уфимского сленга начала XXI века. Версия 2008 года /
С. Вахитов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836020-6

Книга представляет собой лексикографическое описание сленговых единиц, встречающихся в речи уфимцев. В словарную статью, кроме толкования, включены иллюстрации употребления сленгизмов в устной и письменной речи и этимологические комментарии. Издание адресуется широкому кругу читателей, интересующихся вопросами языка, истории и краеведения.

ISBN 978-5-44-836020-6

© Вахитов С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
А	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

**Словарь уфимского
сленга начала XXI века
Версия 2008 года
Салават Вахитов**

© Салават Вахитов, 2016

ISBN 978-5-4483-6020-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Словарь уфимского сленга был задуман ещё в начале 90-х годов прошлого теперь века. Я преподавал тогда на инфаке Башгоспединститута русский язык – предмет, которому на факультете с каждым годом отводилось всё меньшее количество часов, так что постепенно курс сократился до отдельных вопросов лексикологии. Однажды на практическом занятии по теме «Лексика с точки зрения сферы употребления» я обратился к аудитории с просьбой подбросить свежий жаргонный материал для иллюстрации последующих уроков. Каково же было моё удивление, когда студенты в очень короткое время собрали большую картонную коробку записей! Несколько месяцев я разбирал их и пытался как-то систематизировать. Стало очевидным, что мне, преподавателю русского языка, совершенно незнаком целый пласт русской активной лексики. Было такое впечатление, что я живу в одном мире, а мои студенты – в другом. Я стал увлечённо собирать литературу по новой для меня тематике. Тогда, после долгих лет запрета, был уже издан словарь Флегона, которого поэт А. Вознесенский называл не иначе, как Флегно, и словарь Быкова, который в то время был единственным доступным в Уфе серьёзным лексикографическим трудом, посвящённым жаргону.

Собранные материалы постепенно складывались в словарь, который составлялся с соблюдением двух основных принципов. Во-первых, включались сленговые слова, которые употреблялись жителями Уфы и её окрестностей на момент записи, то есть выдерживался принцип единства времени и пространства. Я и сейчас уверен, что создание всеохватных словарей, включающих массу разносортного материала без учета места и времени употребления лексических единиц, затрудняет работу исследователя, приводит к непониманию путей развития лексической системы языка, в частности, развития семантики слова. Во-вторых, я считал, что язык необходимо изучать в сплошном потоке без всяких усечений, и поэтому включал в словарь любой ненормативный материал, даже если он содержал слова, непристойные для произношения в обществе. И до сих пор я убеждён, что раз подобная лексика существует в языке, значит, она выполняет присущую только ей функцию и имеет право на существование. Вопрос же правомерности употребления таких слов в той или иной ситуации не является чисто филологическим, для его решения необходимо приложить усилия не только лингвистов, но и педагогов и юристов. В то время я недостаточно владел терминологией субстандарта, к тому же в литературе существовала полная терминологическая неупорядоченность в этой области исследований (в какой-то мере она сохраняется и сейчас), поэтому в словарь уфимского сленга включались все ненормативные слова. (Хотя уже тогда, рассматривая жаргон и сленг как терминологические синонимы, я для себя различал разные группы единиц, которые условно обозначал как сленг 1 и сленг 2.) Теперь я понимаю, что интуитивно было принято правильное решение, поскольку в субстандарте много периферийных явлений и в зависимости от условий употребления одни и те же единицы могут выступать как жаргонные, сленговые или просторечные.

В 90-е годы издаваться было очень трудно, да и дорого. Поэтому было решено ограничить первое издание устойчивыми сленговыми выражениями, и такая работа была завершена к 1995 году, но не увидела свет. Сейчас я этому даже рад, но в то время, когда каждые полгода кого-то выбирали во власть, я исходил много избирательных штабов, пытаюсь найти деньги на издание своей брошюры. Люди удивлялись, смотрели на меня как на ненормального, и на этом всё заканчивалось: деньги были нужны всем.

Только в 2000-м году удалось выпустить первый вариант словаря, который назывался «Словарь устойчивых выражений уфимского сленга». Эта тоненькая книжка в сто двадцать страниц содержала 1340 лексических единиц и включала также рисунки студентов-худграфовцев, проиллюстрировавших отдельные выражения, а также обратный словарь уфимского

сленга, который, как я считал, может показать активность различных сленговых словообразовательных моделей и выявить продуктивные сленговые суффиксы. При всём лексикографическом несовершенстве и наивности, это издание дорого мне. Помню, как я боялся, когда начались возмущённые звонки депутатов нашего Курултая моему руководству по поводу выхода в стенах университета столь неприличной книги, но время уже было другое, и меня отстояли. Позже, когда я стал издавать свои словари на более высоком профессиональном уровне, меня всегда удивляло, что первая книжка запомнилась читателям сильнее, её передавали друг другу, цитировали на молодёжных форумах, на неё ссылались, отмечая «любимые страницы». Ничего подобного с другими изданиями уже не происходило, может быть, потому, что, боясь нездорового интереса, я стал более осторожно включать в словарь матизмы.

Вторая книга – «Словарь уфимского сленга» – вышла в 2001 году и включала в себя 4200 слов и устойчивых выражений. В качестве приложения приводился список неофициальных наименований г. Уфы. Прошло совсем немного времени, и уже мало кто сомневается, что сленг достоин серьёзного изучения, но тогда в предисловии я пытался «защитить» сленговую лексику от навязанных штампов. Приведу небольшую выдержку, которая и на сегодняшний день мне кажется актуальной.

«Распространённым является мнение о том, что сленг – это слова-однодневки. Сленговые слова живут ровно столько, сколько существует на них мода, а следовательно, это не что иное, как безделки, засоряющие язык. «В отличие от подлинных слов языка арготические словечки почти все ежегодно выходят в тираж. Они недолговечны и хрупки», – писал К. Чуковский [Чуковский: 568]. Это утверждение несправедливо уже потому, что никто ещё не проследивал, как долго «живут» сленговые слова. Определённая часть лексики, действительно, быстро выходит из употребления, другая же часть проходит длительный путь развития. К примеру, К. Чуковский в середине 60-х гг. XX в. предполагал, что слова *рубать* и *башили* уже в 1975 году либо вовсе забудутся, либо отодвинутся в разряд старомодных, однако и в XXI в. они активно используются, получая новое семантическое и формально-модификационное освоение; сленгизмы типа *мент*, *клёвый*, *бабки*, *стрелять* функционируют уже не одно столетие, а слова *спеться*, *двуручник*, *бракодел* вошли в литературный язык и не воспринимаются как сленгизмы. Причиной возникновения мифа о недолговечности сленга послужило то, что субстандарт является более подвижной, более динамичной системой, чем стандарт. В литературном языке происходят те же процессы: идёт обновление лексики, часть слов уходит в пассивный запас, другая часть входит в актив, возникают неологизмы, модные (частотные в употреблении) слова литературного языка постоянно сменяют друг друга. Но, благодаря особенностям функционирования нормированной лексики, эти процессы имеют более длительный характер и потому менее заметны.

Другое общее место в лингвистической литературе – мысль о первобытном примитивизме сленга, высказанная впервые академиком Д. С. Лихачёвым (1935 год) в работе о воровской речи. По его мнению, воровская речь отличается от обычной тенденцией к языковому примитиву, она «с точки зрения семантики – разрушает семантику, с точки зрения синтаксиса – разрушает синтаксис, с точки зрения морфологии – разрушает морфологию, с точки зрения языка вообще – она явление резко отрицательное» [Лихачёв: 387]. Нужно обратить внимание на то, что эллиптичность речи, широкая полисемантичность сленговой лексики, диффузность значений, которые пытаются выдать за первобытный примитивизм языка, имеют достаточно простое объяснение: понимание в сленговой среде возникает из речевой ситуации, в которую включаются люди только своего круга, имеющие одинаковый жизненный опыт, одинаковый эмоциональный опыт (общую шкалу эмоций), исповедующие одну и ту же идеологию».

После выхода этого издания мне часто ставили в упрёк, что многие слова, вошедшие в словарь, употребляются не только в Уфе, а являются общежаргонными, однако описание

фонетических, морфологических, семантических и других отличий региональной лексики невозможно без констатации каких-то общих мест, так как вариативность в употреблении сленговых единиц очень велика. Именно поэтому в картотеку словаря, а позже и в сам словарь, вошло много сравнительного материала. Вот несколько примеров словарных статей.

ГУЖБАНИТЬ, -ню, -нишь, несов. – весело проводить время, гулять, веселиться, часто с распитием спиртных напитков. ~ Сегодня *будем гужбанить*. Мы *гужбанили* весь вечер. # Ср. у Быкова *гужеваться* «развлекаться, пировать» и производное *гужовка, гужон* [Быков 1994: 56]. В СРГС *гужевать* в значении «веселиться». Возможно, по ассоциативной связи с зафиксированным в СРНГ Ленингр., Перм. *гужбан* «ломовой извозчик» [СРНГ 7: 204], а также в языке воров «легковой извозчик» [Трахтенберг 1908: 20].

ГУЗИТЬ, -жу, -ишь, несов. – шуметь, скандалить. # По всей видимости, из русского диалекта; возможно, однокоренное с *гудеть*. Ж. Ж. Варбот приводит слово *гузло* «буйство», отмеченное в подмосковных говорах. Удивляет сомнение исследователя в существовании в русском языке глагола *гузити* [Варбот 1982: 3536]. У Тонкова *гузить* «трусить» и *гуза* «трус» [Тонков 1930: 46, со ссылкой на Селищева], которые, возможно, от омонимичного корня.

КАКИМ МАКАРОМ? – Как? Каким образом? # По Топорову, индоевропейский комплекс **tak-* (-r-) обозначает мифолого-лингвистический мотив битья объекта и апеллирует к разным полюсам к битью Макара и к мотиву поражения. В выражениях *таким Макаром* и *таким образом* «просвечивает идея удара» (диал. *макнуть* «ударить» и *разить*: об-раз) [Топоров 1982: 148].

КЛЁВЫЙ, -ая, -ое – классный, великолепный. ~ Меняю себя на *клёвую* девчонку без вредных привычек. Неделя. 2001. №1. ~ Я тащусь от сериала «Любовь и тайны Сансет Бич», это самый *клёвый* молодёжный сериал! Неделя. 2001. №4. # Грецизм, первоначально в офенском языке, затем в воровском языке в значении «хороший». У Даля *клевый* ряз., тмб. влд. «клюжий, клювый, хороший, пригожий, красивый, казистый, добротный; выгодный или полезный» [Даль II: 115]. По В. В. Стратену, из рыбацкого термина *клевать* [Стратен 1931: 121]. В.В.Виноградов ссылается на К. Студинского, сопоставившего *клёвый* с греческим *kleos* «честь, слава» [Виноградов 1999: 346]. Употребляется в русском, белорусском, украинском и польском арго [Бондалетов 1982: 69]. У Фасмера предположение о родстве с *клювый* «хороший, подходящий» от *клюдь* «порядок, красота» со ссылками на Ильинского и Бернекера [Фасмер II: 256].

МАЖОР, -а, м. – 1. Ребенок богатых родителей. ~ Они не любят, когда их называют скинами, ненавидят негров и *мажоров*, проникнуты юдофобией и бьют рэпперов, считая, что белый пацан обязан слушать нашу российскую эстраду. Молодёжная газета. 2001. №4. 2. Новый русский, богатый человек. # Корень *маз-/маж-* со сложной семантикой. Ср.: угол. *мажор* «хорошо, успешно», *мажорить* «фарцевать», *маз* «главарь воровской группы», *мазёл* «свёрток с деньгами», *мазурик* «мелкий воришка» и др. [Балдаев 1992: 133].

Автору, повезло, что на словарь обратил внимание В.М.Мокиенко. Общение с ним стало для меня настоящим университетом. Его пример свободного обращения с жаргонологической терминологией и включения в оборот новых терминологических единиц, удобных для описания лексики, позволил мне выработать отношение к лингвистической терминологии только как к исследовательскому инструменту, и я уже избегал бессмысленных терминологических споров, подменяющих исследование языка. Поэтому во 2-м и 3-м дополненных и исправленных изданиях словаря, вышедших соответственно в 2003 и 2004 гг., я лишь оговаривал своё употребление терминов следующим образом:

«Дать короткое и устраивающее всех определение сленга вряд ли удастся, но его особенности проявляются в сравнении с другими субстандартными формами языка – арго и жар-

гоном. Попробуем в них разобраться. Видимо, основные их различия нужно искать в функциональной сфере. Арго характеризуется тем, что создаётся специально с целью языкового обособления. Носителям арго по каким-либо причинам важно, чтобы окружающие люди их не понимали. Скажем, торговцам-офеням так было проще обсчитывать простоватого мужика, а трудяги-ремесленники, общаясь на условном языке, сохраняли секреты своего цеха. Жаргон – тоже язык обособленной социальной группы, но он не является тайным. Основная роль жаргона заключается в идентификации человека по признаку свой / чужой: если ты такой же, как и мы, то ты знаешь и наш язык. На жаргоне говорят люди только своего круга: рокеры на рокерском, компьютерщики на компьютерном, политики на политическом, а учителя на учительском. В жаргонах находят отражение различия между ними, связанные с профессиональной деятельностью, образом жизни, увлечениями, манерой одеваться и т.п., – то есть всё, что может включаться в понятие субкультуры того или иного социума. Сленг же никогда не создаётся ради обособления. Он является средством нестандартного выражения нашего отношения к миру и возникает в противовес официальному литературному языку, в оппозиции к которому реализуется сленговое значение. Это означает, что, в отличие от арго и жаргона, носителем сленга является только тот, кто хорошо владеет литературными нормами. В противном случае, он знает лишь значения сленгизмов, не осознавая при этом их сленговой окрашенности. Точно так же ребёнок может произнести запрещённое, «стыдное» слово, не чувствуя его табуированности. В сленговых единицах обычно явно или скрытно присутствует оценка. К примеру, *колбаситься* – это не просто «веселиться», а «веселиться от души, хорошо проводить время», *суперский* не просто «очень хороший», а «такой, что лучше и некуда», *лохотрон* – это не только «какое-либо средство обмана», но и отрицательное к нему отношение, *Зубило* не только замещает официальное наименование Монумента Дружбы, но и выражает соответствующее отношение к известной системе ценностей и т. п.

Сленг отличается от жаргона и временем происхождения. Жаргон – более раннее явление, возникает он вместе с социальным расслоением общества. Сленг же образуется лишь тогда, когда литературный язык начинает занимать прочные позиции. Так, например, в современной Беларуси нет белорусского сленга, так как белорусский литературный язык не имеет государственной поддержки, и на нём говорит относительно небольшая группа городской интеллигенции. То есть существование сленга свидетельствует о наличии здорового национального литературного языка, и наоборот, отсутствие сленга означает его слабость и упадок. Положительная роль сленга видится и в том, что он позволяет «расшатывать» устаревающие консервативные нормы языкового стандарта и подготавливает почву для их замены, тем самым способствуя развитию литературного языка и приспособлению его к современным условиям».

К 2004 году стали один за другим выходить всевозможные словари жаргона, стало модным писать о современном сленге, мне стало скучно этим заниматься, и мой интерес сосредоточился на субстандартной лексике XIX века. Занятия историей жаргона укрепили меня в мнении о том, что описание жаргонных единиц внутри какой-либо одной обособленной жаргонной системы не может привести к каким-либо серьёзным выводам, касающимся развития языка и лексики в частности. Необходимо обращение ко всему лексическому спектру изучаемой эпохи, к широкому сравнительному материалу.

С 2006 года по просьбе издателя А.А.Шумейко я работал над новым словарём уфимского сленга. На этот раз он составлялся в основном по тематическому принципу, который меня всегда так не устраивал, то есть в словарь включается лексика, тематически связанная с Уфой, а также незначительное число сленгизмов тюркского происхождения, не встречающихся в других регионах.

Тематический принцип отбора регионализмов хорош тем, что позволяет чётко ограничивать материал описания. Однако при этом теряется много ценных наблюдений. Так, например, слова *опорка* и *багры* никак не связаны с региональной тематикой, тем не менее, они «местечко-

вые». В г. Салавате *опоркой* называют то, что в общем сленге является *стаканом* – стеклянным опорным пунктом милиции. *Баграми* в Башкирии называли болгарские сигареты. Происхождение слова ассоциативно-семантическое. В жаргоне наркоманов есть глагол *багрить* «курить гашиш». Но почему именно болгарские сигареты стали *баграми*? Может быть, потому, что слово начинается на *б*? Другого объяснения не находится. Только в уфимском сленге зафиксировано слово *Вася* в значении «милиционер», производное от воровского *вассер*. Когда «стоят на шухере», при появлении милиционера предупреждают: «Ой, Вася пришёл». И таких примеров множество. Сказанное подтверждает и Н.В.Исмагилова в своём диссертационном исследовании, отмечая, что «... в жаргоне г. Уфы функционируют особые жаргонизмы, зафиксированные только в „Словаре уфимского сленга“ и не встречающиеся в других словарях русского жаргона, такие, как: *археолог* – 1. „Несовременный человек, интересующийся прошлым“. 2. „Человек старых привычек“; *пахер* – „запах“ (от глагола *пахнуть*); *флегма* – „флегматик“ и др.». И далее: «Специфика уфимского жаргона проявляется также в том, что его полисемичные лексемы, как правило, употребляются в меньшем количестве значений, чем жаргонизмы, описанные в различных словарях русского жаргона... В уфимском жаргоне есть и специфические устойчивые выражения (жаргонные фразеологизмы), ... к примеру: *взять вилку* – „не верить“; *жевать бумагу* – „переписывать лекцию“, *видеть белую лошадь* – „говорить неправду“ и др.».

Ещё раз подчеркнём, что тематический подход, принятый в новом издании, связан прежде всего с ограничением материала словаря. Словарная статья содержит грамматические пометы, толкование и иллюстрацию употребления слова. После иллюстрации указывается дата фиксации сленгизма. При необходимости даются этимологические комментарии. Приводимые в словаре сокращения являются обычными для лексикографических работ, поэтому специально не оговариваются.

В сборе материала принимали участие многие добровольные помощники, которым я очень благодарен:

Абдуллина Ю. Р., Акбашев А. Ю., Аминова И. Т., Аскарлова А., Ахметгалиев Р. Н., Ахметов И. И., Бабин И. М., Байгускарова Э. Р., Богомоллов А. Н., Богомоллова И. А., Балихина А. М., Беляева Н., Богатинов И., Булатова Л. Г., Валеева Р. Р., Валиахметова Г. Н., Валиева Л. А., Вахитов М. В., Волкова Р. Н., Воробьёва С. Л., Вяземская Л., Газимуллина А., Галиева Л. Р., Галимова Л. М., Гапонова Н. А., Гареев Т., Горшунова Т. С., Горячева Л., Грибова М. В., Гридин В. А., Гумерова Д. Д., Давлетова Р. Р., Данабаев А. А., Дашина Е. А., Демидов Д., Диббаева Д., Дильмухаметова Л. В., Дюшева Г. А., Емельянова А. М., Ермилова А. П., Ефремова Ю., Жданова Е. А., Зайнулин Р. Р., Зарипова Д., Зарипова Э. Н., Зинатуллин Р., Ибрагимова А. М., Иксанов Р. Р., Исхакова Р., Калимуллин Р. Р., Калинина К. В., Камалиев Ш. Ф., Камалова С. Д., Каримов Р. Ф., Каримова Н., Каторкина Л., Кашина О. В., Киреев А., Киселёва Ю. А., Комаров В. Г., Кондрашова Н. И., Кутдусова Г. Н., Литвина А. А., Маликов М. В., Маннанов М. А., Мансурова Э. З., Мархадиева Р., Масленников Д. Б., Миннебаева С., Миннигулова Г. З., Мирнова Н. А., Мирсаетова А. З., Муратов И. М., Муфтахетдинова М. Р., Мухаметов П. А., Недопёкина Е. В., Новожилова Л. Л., Носков А. А., Нуриева И. И., Ольман О. А., Петрова Г. С., Пожидаев Р., Пономарёв И. В., Постникова К. И., Потапов Р., Рафикова Э., Рахимова А. Ф., Рахматуллина И. Б., Рашидов А. О., Резяпов В. В., Рычкова Е. Н., Рябова С. В., Савченко Е. Н., Сайфуллина А. Н., Сайфутдинова Р. Ф., Салимова А., Самусёнок П. В., Сарварова Р. З., Сарычева Т. М., Сафина К., Сидорова Е. А., Симакович А. Ю., Скрипник Е. Е., Смильгин П. А., Степанов М. Н., Султанова А. Г., Сусликов И. С., Таймасова А., Терентьева А. А., Тимеркаева С. Р., Тихонова О., Фазлетдинов Ф. А., Фёдоров П. И., Фомина Е. В., Хамченко К. К., Ханнанова А. З., Ханова М. Х., Харламова Т. А., Шагиев А., Шарифутдинов Т., Шарипова Л. Н., Штейнберг В. Э., Юмагузин Р. Ш., Юнусова Л. Р., Якимова Н., Якина Ю., Яковлева Т. А., Якупова Л. В., Янгалина А. А., Янченко А.

Особую признательность хочу высказать Эдуарду Хизбуллину, предоставившему информацию об уфимских хоккеистах, и участникам группы «Пупсы» – Ильдару Ахмедшину и Валерию Кондратенко, – основным консультантам по прозвищам рок-музыкантов.

А

АБДРАГАН, неизм. О состоянии недоумения, растерянности. (Словарь уфимского сленга 2001) <В Словаре русских говоров Башкирии *абдраган* «страх, испуг, боязнь» [СРГБ: 19]. См. *аптраган*.

АБЗЫЙ, -я, м. Рустем Каримов, уфимский джазовый барабанщик в развлекательном комплексе «Огни Уфы». (Ноябрь 2007) От тат. *абзый* «дядя» (обращение к постороннему мужчине старшего возраста или к старшему брату с прибавлением имени).

АБТРАГАНСКИ, неизм. То же, что *аптраган*. (Словарь уфимского сленга 2001)

АБТРЕЙКА, -и, м. и ж. Человек, вызывающий недоумение своими действиями. (Словарь уфимского сленга 2001) См. *аптрашка*.

АВИАПРОЛЁТ, -а, м. Уфимский государственный авиационный технический университет. (Словарь уфимского сленга 2001)

АВИАТОР, -а, м. Студент или преподаватель Уфимского государственного авиационного технического университета. ~ *Авиаторы* вообще перестали что-либо делать. (Декабрь 2007)

АВИАТОРЫ, -ов, мн. Уфимский государственный авиационный технический университет. (Словарь уфимского сленга 2001)

АВИАЦИОНКА, -и, ж. Уфимский государственный авиационный технический университет. ~ Пройдёшь через *авиационку* и выйдешь на Карла Маркса. (Ноябрь 2006)

АВИАЦИОННИК, -а, м. 1. Уфимский государственный авиационный технический университет. ~ В *авиационнике* учатся продвинутые студенты. ~ Это всё будет после того, как наш *авиационник* переведут в личные руки. (<http://a.farit.ru/> – 10.06.2004) 2. Студент УГАТУ. ~ Привет *авиационникам*, особенно экономическому факультету!!! (<http://a.farit.ru/> – 13.02.2002) ~ Каждому *авиационнику* есть что вспомнить, связанное с этим баром! (<http://www.poufe.ru/> – 08.08.2007.)

АВИАЦИЯ, -ии, ж. Уфимский государственный авиационный технический университет. (Словарь уфимского сленга 2001)

АВИАШКА, -и, ж. Уфимский государственный авиационный технический университет. ~ Недавно встретились с друзьями у *Авиашки*. (Ноябрь 2007)

АГРАРКА, -и, ж. 1. Башкирский государственный аграрный университет. 2. Остановка «Аграрный университет». ~ Я сейчас на *Аграрке*, скоро буду. (Апрель 2007) ~ Где в Уфе занимают фанаты боевых искусств? – Спутник на *Аграрке*, такое жёлтое здание рядом с заправкой. (<http://forum.ufanet.ku/mvnforum/> – 28.09.2006)

АЗИЯ, -ии, ж. **Азия и Африка**. Евдокимова Ангелина Алексеевна, доцент кафедры всеобщей истории БГПУ им. М. Акмуллы. <Прозвище по преподаваемому курсу «Новая история Азии и Африки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.